

легендой о сохранности среди черкесов (в том числе и кабардинцев) предания о единоробстве Редеди в какой-либо, даже самой отдаленной форме»⁴⁷.

Что касается поговорки «Тамтаракай ухъу», т. е. «Будь ты Тамтаракаем», то она не может служить доказательством тесного общения кабардинцев с Тмутараканью, так как оно исходит лишь из звукового сходства терминов, а загадочный Тамтаракай или Тамтаракай встречается в поговорках не только кабардинцев, но и других народов, в том числе и не имевших непосредственной связи с исторической Тмутараканью. Ш. Б. Ногмов писал, что и у татар есть выражение «Тамтаракай бал», имеющее значение, аналогичное кабардинскому варианту⁴⁸. Одна из кабардинских здравниц содержит упоминание какого-то озера Тамтарка⁴⁹, а в осетинском фольклоре говорится о «равнине Таракай»⁵⁰. У кумыков встречается аналогичное кабардинскому и татарскому выражение «Тамтаракъ болсуи», т. е. «Будь ты Тамтараком». Это выражение встречается даже в Средней Азии, что уже явно противоречит желанию считать кабардинский вариант загадочной поговорки памятником тмутараканско-кабардинских связей.

Итак, все то в книге Ш. Б. Ногмова, что казалось замечательным открытием, на деле выглядит лишь нагромождением ошибок, и чем скорее наука освободится от них, тем лучше.

Л. И. Лавров

⁴⁷ Г. Ф. Турчанинов, *Летописный Редедя и черкесское «редадэ»*, «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», т. II, Нальчик, 1947.

⁴⁸ Ш. Б. Ногмов, *Указ. раб.*, стр. 121.

⁴⁹ «Кабардинский фольклор», стр. 80.

⁵⁰ В. И. Абаев, *Осетинский язык и фольклор*, М.—Л., 1949, стр. 47.

НАРОДЫ СССР

К. В. Чистов. *Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.* Издательство «Наука», М., 1967, 340 стр.

Данная книга — плод многолетних разысканий К. В. Чистова. Некоторые из вошедших в нее материалов были опубликованы автором ранее в кратком изложении¹. Теперь перед нами его труд — целая, обширная монография. Предмет исследований К. В. Чистова не нов. В книге использована огромная литература, посвященная тем же вопросам, которые интересуют автора (имеется почти 1000 сносок). И тем не менее книга совершенно нова как по методу изучения материалов, так и по выводам. В отличие от множества монографий и мелких работ, в которых изолированно рассматриваются отдельные эпизоды в истории социальных утопий и связанные с ними соответствующие рассказы, автор изучает весь ход развития этого вида фольклора, от его истоков в XVII в. до его угасания во второй половине XIX в. Весь фольклорный материал исследуется в теснейшей связи с конкретной историей и с ее же помощью объясняется. Книга делится на две главы, названные «Легенды о возвращающемся избавителе» (стр. 24—236) и «Легенды о далеких землях» (стр. 237—346). На первый взгляд может показаться, что между этими двумя видами фольклора нет прямой связи. Однако это не так. В первой главе рассматриваются попытки активной борьбы крестьян против социального угнетения (восстания под предводительством самозванцев), во второй — попытки ухода или бегства крестьян от царско-помещичьей власти. «Два вида русских народных социально-утопических легенд... отражают две основные формы антифеодальной борьбы русского крестьянства — открытую политическую борьбу (восстание) и „уход“ — бегство в резервные районы, не освоенные еще феодальным государством» (стр. 327). Изложение — строго хронологическое, максимально аналитическое и вместе с тем детализованное. Можно с уверенностью сказать, что в книге рассмотрены все известные в русской истории XVII—XIX вв. самозванцы. Их было чрезвычайно много. Например, в 30-х — 50-х гг. XVIII в. было около полутора десятков самозванцев, причем шесть из них называли себя именем Алексея Петровича (стр. 124). Автору известны и все материалы о самозванцах. Это характеризует стиль и характер

¹ См.: К. В. Чистов, *Легенда о Беловодье*, «Труды Карельского филиала АН СССР», т. 35, Петрозаводск, 1962, стр. 116—181; его же, *Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.*, «История, фольклор и искусство славянских народов. Доклады советской делегации», V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963), М., 1963, стр. 483—510; его же, *Легенды об избавителях* и проблема повторяемости фольклорных сюжетов, «Славянский фольклор и историческая действительность», М., 1965, стр. 36—59.

исследования К. В. Чистова. Такой широкий и углубленный охват материалов позволил автору увидеть то, что не мог видеть ни один из его предшественников: поразительную повторимость, а следовательно, закономерность, проявляющуюся как в общих составных частях рассказов, так и в деталях. Сравнимая легенды о «возвращающихся избавителях» (т. е. о самозванцах), К. В. Чистов как опытный и искусный фольклорист, точно устанавливает одинаковые составные части их и имеющиеся варианты каждого из изучаемых элементов или составных частей. Он пишет: «В основе известных нам легенд о «возвращающихся царях-избавителях» лежит весьма устойчивая сюжетная схема, и варьирование легенд происходит в значительной мере за счет варьирования или выключения отдельных мотивов» (стр. 30). В дальнейшем максимально подробно, со всеми возможными вариациями каждой из составных частей фиксируется общий сюжетный ход каждой из этих легенд. Схема исследуется в начале книги, но она — итог широкого и максимально скрупулезного исследования легенд. Видя эту схему, читатель опасается, что содержание книги сведется к подгонке под нее сюжетов. Однако этого не происходит. Схема представляет собой как бы скелет, но изучается собственно не он, а живая плоть повествования, которая его облекает и которая составляет основной предмет исследования. Привлекается огромное количество самых разнообразных источников: «Связь легенд об «избавителях» с народными движениями,— пишет автор,— определяет характер источников, которыми мы будем пользоваться: с одной стороны, документы, созданные участниками или руководителями движений (типа «прелестных писем» С. Т. Разина, Е. И. Пугачева и его полководников и т. п.), с другой — указы, манифесты, грамоты, послания, донесения, расписные листы (позже — протоколы допросов), художественные произведения или воспоминания, созданные противниками движения, лицами, принадлежавшими к правительственным или официальным кругам, а также иностранцами, побывавшими в России» (стр. 26). Эти документы, тщательно и правильно прочитанные, вскрывают глубокую трагедию, пережитую народом тех времен.

Несколько иной характер имеет вторая глава. Как и в первой главе, описания в ней всегда предельно глубоки и детализованы. Прекрасное знание источников позволяет автору и здесь рисовать максимально полную и вместе с тем чрезвычайно колоритную картину. Бесстрастное перо исследователя показывает, что доведенные до нищеты и отчаяния крестьяне, иногда десятки тысяч крестьян на основании нелепых, но закономерно возникающих слухов, отвечающих их смутным стремлениям к вольному труду в условиях социальной справедливости, снимаются с мест и устремляются в неведомые земли. Эти попытки людей, которых нарочито держат в невежестве и темноте, обычно оканчиваются трагически. Против таких переселенцев высылаются войска, и крестьяне возвращаются обратно, причем многие погибают. Побудительная причина, заставлявшая людей покидать обжитые места в поисках фантастических земель обилия и свободы, всегда одна, но формы выражения ее разнообразны. Здесь нет такой закономерности, какая выявляется в первой главе. Выход в казачество, стихийные попытки заселения необитаемых земель (Сибирь), выход за пределы Русского государства (стихийное переселение в Турцию) — все это разные формы проявления одной исторической закономерности, изучаемой максимально подробно и пристально.

Неудачным следует признать применение слова «легенда». Вопросы научной терминологии очень важны. Латинское *legenda* представляет собой герундий множественного числа от глагола *legere* — «читать», означавший чтение вслух во время монастырских трапез, т. е. благочестивые рассказы о святых и подвижниках. Слово это в точности соответствует старинному русскому слову «четьби», применявшемуся в русском монастырском обиходе. В дальнейшем это слово множественного числа стало восприниматься как слово единственного числа. Исконное его значение слышится в таких заглавиях, как «Легенда о Юлиане Милостивом» И. С. Тургенева или «Легенда о совестном Даниле» Н. С. Лескова. Содержание слова все более расширялось и получило значение рассказа о людях, совершивших необычайные подвиги, в том числе и о героях в современном понимании этого слова. К текстам и судебным и прочим материалам, исследуемым К. В. Чистовым (о самозванцах, о фантастических далеких землях), этот термин не подходит. Автор имеет дело с рассказами, передававшимися в виде слухов, но имеющих художественной формы. Слухи, исследуемые в книге К. В. Чистова, сопровождающие крестьянские движения, полны величайшего интереса для историка и фольклориста, но это не легенды. Можно заметить, что в вопросе о жанрах и их специфике у автора вообще нет полной ясности. Сближение изучаемых материалов со сказками (стр. 161, 321, 328 и др.) не убедительно. Не убедительны также такие предположения, как например на стр. 313: «Поэтический образ страны благополучия, расположенной на острове, известен фольклору многих народов и генетически восходит, вероятно, к предстанию об острове, на который переселяются души умерших предков, либо первоначально к предстанию о параллельном существовании двух, трех и более миров, которые эпизодически сообщаются друг с другом». К русским материалам такие догадки неприменимы. Представления о далеких, но будто бы реальных краях земледельческого благополучия вырастают всякий раз заново, когда в них возникает потребность, что прекрасно доказано автором всем содержанием его книги. Здесь он сам себе противоречит. К счастью, подобных необоснованных предположений в книге мало.

В заключение необходимо сказать, что книга весьма содержательна и несомненно представляет собой выдающееся достижение советской исторической науки и фольклористики. Автор увидел закономерности там, где его предшественники видели разрозненные факты. Сделанные им открытия представляют собой значительный вклад как в изучение истории, так и в изучение фольклора.

В. Я. Пропп

В. К. Гарданов. *Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.)*. Издательство «Наука», М., 1967, 331 стр.

Рецензируемая книга известного кавказоведа В. К. Гарданова представляет большой интерес как для этнографов, так и для историков.

Автор посвятил свое исследование адыгским народам, составлявшим в XVIII — первой половине XIX в. одну из наиболее крупных этнических групп Северного Кавказа и входящим ныне в три автономных государственных образования. Хронологические рамки исследования обосновываются автором тем, что, с одной стороны, изучение периода XVIII — первой половины XIX в. обеспечено большим количеством разнообразных источников, с другой — тем, что общественный строй адыгов еще не подвергся в это время сильному влиянию России. Последнее обстоятельство позволило В. К. Гарданову показать все своеобразие протекавших у адыгов сложных социально-экономических процессов, влиявших и на общественный строй других народов Северного Кавказа. Возможность наблюдать развитие у адыгов феодальных отношений на конкретном историческом материале обуславливает социологическое значение выбранной автором темы, важной для изучения общих вопросов генезиса феодализма.

В. К. Гарданов основывает свое исследование на огромном круге разнообразнейших источников, бывших предметом его многолетних разысканий. Это прежде всего архивные документы фондов русских центральных и местных учреждений. Особое место среди источников, привлеченных автором, занимает обычное право адыгских народов, знатком норм которого он является. В. К. Гарданов не только подверг глубокому анализу те сборники адатов, которые были составлены по распоряжениям русского правительства в первой половине XIX в., но изучил также их применение в судебной практике, что позволило ему сделать ряд тонких наблюдений. Широко привлечены как опубликованные, так и неопубликованные описательные труды иностранных и русских авторов. Впервые в исторической литературе детально использован недавно найденный и еще ожидающий издания замечательный труд адыга Хан-Гирея «Записки о Черкесии» 1836 г.

Всестороннее знание литературы — дореволюционной и советской — позволило В. К. Гарданову сосредоточить свое внимание на вопросах, недостаточно изученных и дискуссионных. К ним он справедливо отнес следующие: расселение, племенной состав и численность адыгов в изучаемый период; соотношение различных отраслей их хозяйства; формы землевладения и социально-классовая структура; роль дофеодальных институтов в феодальном адыгском обществе. Исследованию перечисленных вопросов автор и посвятил насыщенные содержанием четыре главы книги. Выводы всегда основаны на богатом конкретном материале и его теоретическом анализе и в большинстве случаев представляются убедительными. Вместе с тем некоторые вопросы нуждаются в дополнительных разысканиях, к которым побуждает само содержание книги. К ним прежде всего относится тема первой главы: «Территория и численность адыгов», являющейся в известной степени вводной.

Страницы книги, посвященные занятию адыгами территории, — историко-географический этюд, ценный для создания соответствующей исторической карты. В. К. Гарданов оговаривает, что пользуется преимущественно подробными сведениями первой половины XIX в., которые позволили ему сделать выводы о происшедшем к этому времени слиянии ряда этнических групп (условно — «племен») в более крупные и о значительном увеличении численности так называемых «демократических» племен за счет крестьян, бежавших к ним от феодальной эксплуатации с территории «аристократических» племен. В разделе о численности адыгов автор скрупулезно сопоставляет показания источников, сводя их в две таблицы (стр. 32 и 42).

Преимущественное внимание автора к источникам первой половины XIX в. ставит перед будущими исследователями задачу изучить изменения, происшедшие на протяжении предшествующих веков в расселении и численности адыгов. Здесь кавказоведам настоятельно нужна помощь тюркологов. Еще в 1961 г. Институтом народов Азии АН СССР опубликован первый выпуск сочинения турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби; выход в свет второго выпуска, относящегося к его путешествиям по Северному Кавказу, задерживается. Остается пока вне поля зрения исследователей и карта Северного Кавказа, приложенная к константинопольскому изданию 1732 г. «Джихан-Нума», труда другого турецкого автора XVII в. — Катиб Челеби; И. Ю. Крачковский датировал карту первыми десятилетиями XVIII в.

При определении численности различных адыгских этнических групп автор привлекает данные о количестве дворов и их населенности, приходя к выводу, что наиболее